

01.07.24

ГРАЖДАНЕ МИРОВОГО БОЛЬШИНСТВА

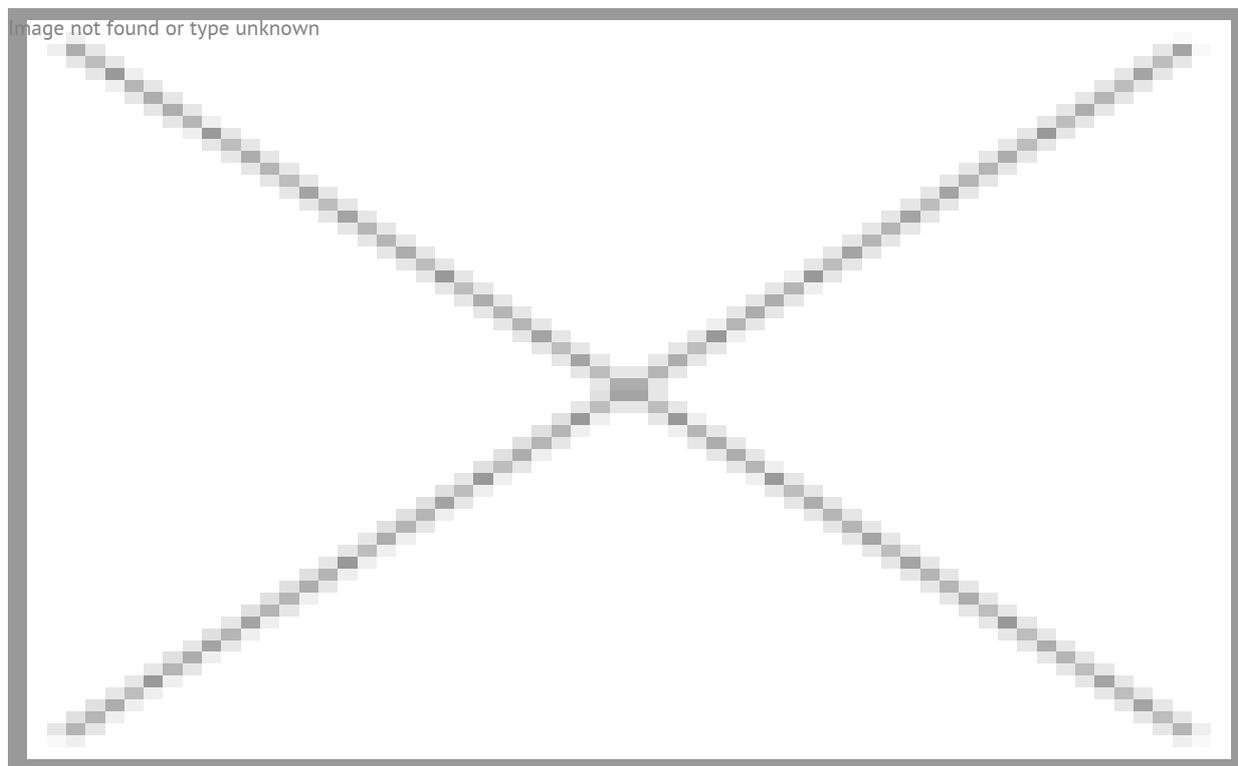
Понятие «средняя держава» обретает новую актуальность и требует уточнения в соответствии с произошедшими в мире изменениями. Так, придётся убрать ранее присущие этому понятию нормативные коннотации и признать, что определить, какие государства входят в эту категорию, можно лишь контекстуально – по крайней мере пока не будут существенно реформированы ключевые международные институты. Для описания новых средних держав полезно использовать либеральную по своему происхождению метафору международного гражданства – переосмыслив её в соответствии с изменившимися мировыми образцами.

Понятие мирового большинства, предложенное Сергеем Карагановым^[1], стремительно вошло в русский внешнеполитический словарь и заняло в нём весьма заметное место. Поиск в *Google* по интернет-сайту Министерства иностранных дел России (запрос: «мировое большинство» *site:mid.ru*) даёт 329 документов^[2]. Это очень много для понятия, которое появилось только осенью 2022 года. Для сравнения, аналогичный запрос для словосочетания «традиционные ценности» даёт 779 документов, хотя это понятие уже много лет играет важную роль в российской внешней и внутренней политике.

Успех понятия в России объясним. Оно отвечает сразу нескольким политическим запросам, возникшим с началом специальной военной операции на Украине. **Во-первых**, оно дало возможность обозначить страны, которые не присоединились к антироссийской коалиции Запада. Они составляют большинство государств мира,

благодаря Китаю и Индии представляют большинство населения планеты и более половины мировой экономики. Говоря о мировом большинстве, Россия доказывает, что расчёты Запада на её внешнеполитическую изоляцию провалились. **Во-вторых**, в понятии мировое большинство можно объединить Россию и страны Глобального Юга, тем самым поставив конфликт Москвы с Западом в широкий контекст освобождения мира из-под власти «золотого миллиарда»[3]. **В-третьих**, хотя каждый, кто говорит о мировом большинстве, подчёркивает его политическую и культурную неоднородность, сам термин имеет коннотацию общности: ведь у любого большинства есть некий единый признак, по которому оно образовано. Конечно, нет оснований считать все государства мирового большинства союзниками России, но, называя их большинством, можно дать понять, что у них есть совпадающая и благоприятная для Москвы позиция по важным вопросам мировой политики.

Заслуживает внимания, однако, то обстоятельство, что понятие мирового большинства не получило (пока?) признания тех, кто его составляет. На интернет-сайте премьер-министра Индии Нарендры Моди “*global majority*” не упоминается ни разу, а “*world majority*”[4] лишь однажды в выступлении о проблеме изменения климата в ноябре 2015 года[5]. Сайт МИД Китая на русском языке также не употребляет это понятие[6]. В таблице приводится результат поиска по запросам “*global majority*” и “*world majority*” на сайтах лидеров государств и министерств иностранных дел ключевых стран мирового большинства (в данном случае были взяты страны БРИКС, а также Турция и Индонезия как крупные незападные региональные державы).

Известная неоднозначность и нечёткость понятия «мировое большинство» не должна смущать. Как и любая политическая категория, эта имеет не столько аналитическую, сколько перформативную, «учредительную» функцию, которая призвана не столько описывать мир, сколько творить его[7]. Также неудивительно, что понятие, широко используемое дипломатами одной страны, не используется таким же образом и другими, даже дружественными странами: взять хоть расхождения между Россией и

Индией по поводу понятия «индо-тихоокеанский» (*Indo-Pacific*)^[8]. Такого рода дискурсивные противоречия нет смысла разбирать с точки зрения «правильности» или «неправильности» понятия, важнее, что само существование этой скрытой полемики говорит нам что-то о её участниках и ситуации, в которую они вовлечены.

Итак, Россия в политическом описании сегодняшнего мира обращается к понятию мирового большинства, но сами его представители не принимают такое определение. В широком смысле слова есть два способа трактовать это противоречие. **Первый** – и более отвечающий российской традиции изучения международных отношений, преимущественно страноведческой – состоит в том, чтобы разбирать политическую риторику каждой отдельной страны мирового большинства, чтобы найти конкретные причины, заставляющие её принимать или отвергать ту или иную категорию. **Второй** – посмотреть на это противоречие в контексте всей системы международных отношений, и такой подход оправдан, поскольку понятие «мировое большинство» оперирует именно системными факторами и связано с проблематикой международного порядка, в то время как система международных отношений несводима к простой совокупности её участников^[9].

На наш взгляд, скрытая полемика о мировом большинстве говорит о появлении категории стран, которые можно было бы назвать новыми средними державами. Такое название отражает как преемственность, так и разрыв с понятием «средняя держава», бытующим уже несколько десятилетий в науке о международных отношениях. Исторически оно включало в себя государства, стремящиеся к международному влиянию посредством многосторонней дипломатии и подчёркнуто соблюдающие международные нормы – под последними подразумевались нормы либерального мирового порядка. Новые средние державы обладают значительным потенциалом влияния, претендуют на роль в формировании международного порядка и, если угодно, представляют собой типичных его «граждан». Однако они – не региональные державы в том значении слова, которое предполагает влияние и интересы, ограниченные определённым географическим регионом – сама природа международной системы не способствует региональной замкнутости.

С точки зрения их представленности в мире новые средние державы составляют если не большинство, то значительную часть государств мира и в совокупности играют определяющую роль в поддержке международных институтов. Вполне естественно, что они скептически относятся к внешней категоризации (а понятие мирового большинства как раз и является такой попыткой): соглашаясь с данным тебе извне определением, ты тем самым умаляешь свою самостоятельность.

Ускользящая «средняя держава»

Карстен Холбрад, автор подробного и весьма цитируемого исследования о средних державах в международной политике^[10], ссылается на черновики известного британского международника Мартина Уайта (одного из основателей Английской школы международных отношений) и возводит историю теоретизирования о средних державах к Джованни Ботеро, савойскому философу, политическому и религиозному деятелю XVI века. Отметим, что другие исследователи видят истоки понятия в Китае VI в. до н. э.^[11] Но что касается политической проблематизации понятия, Холбрад прослеживает её с Венского конгресса. Действительно, установление международного порядка после Наполеоновских войн потребовало определения принципов участия

различных государств в «европейском концерте», а это поставило вопрос об их иерархии.

В современном смысле понятие «средняя держава» (*middle power*) появилось как продукт дискуссии об устройстве ООН в 1944–1945 гг., когда несколько государств, в том числе Канада, Австралия, Бразилия и некоторые другие, настаивали на предоставлении особых прав внутри организации странам, которые способны внести значительный вклад в международную безопасность, занимают особое положение в своих регионах или обладают серьёзными экономическими возможностями и ресурсами. Важно, что это обосновывалось особой логикой международной иерархии, согласно которой следует выделить и те державы, которые, не являясь великими, всё же обладают существенным потенциалом. «Простое разделение мира на великие державы и всех остальных нереально и опасно», – заявил премьер-министр Канады Маккензи Кинг [12]. Хотя предложения Канады и Австралии по организации ООН в целом были отвергнуты, в частности возобладал не функциональный (по масштабу вклада в решение общих задач), а географический (представительство регионов) принцип отбора непостоянных членов Совета Безопасности ООН. Именно создание всемирной организации большинство авторов считают моментом рождения понятия «средняя держава» как категории политической практики.

Можно уже говорить о традиции изучения истории самого понятия и его определений [13]. Некоторые страны в дипломатической риторике прибегают к прямому или косвенному самоописанию в качестве «средних». В таком случае определение простое: средний – тот, кто сам себя так называет. Канаду и Австралию нередко именуют «самопровозглашёнными» (*self-proclaimed*) средними державами [14]. Впрочем, как видно из цитаты премьера Кинга выше, слово «средний» может и не использоваться, а принадлежность к этой категории стран определяется иносказательно. Например, замечанием, что помимо «великих» и «всех остальных» имеются те, кого не принято называть великими, но и малыми тоже не назовёшь.

Есть два препятствия с определением средних держав через их самоидентификацию. **Первое:** идентификация зависит от политического контекста, может динамично меняться и не всегда определённо формулируется. Джеффри Робертсон и Эндрю Карр указывают, что, помимо Канады и Австралии, к средним державам в той или иной форме когда-то причисляли себя Южная Корея, Турция, Мексика, Индонезия [15]. Однако, например, трансрегиональное объединение МИКТА (Мексика, Индонезия, Корея, Турция, Австралия), учреждённое в 2013 г., не описывается её участниками как объединение средних держав. Встречается формулировка «развивающиеся страны» (*developing countries*) [16], «растущие региональные акторы» (*emerging regional actors*) [17], но не «средние державы». Исследователи также не вполне уверены, уместно ли в данном случае говорить о «средних», «региональных» или «поднимающихся» державах [18] – что, к слову, свидетельствует о взаимозаменяемости этих категорий.

Второе препятствие заключается в том, что определение через самоидентификацию делает когорту средних держав потенциально очень малочисленной, вплоть до сокращения всего до двух: Канада и Австралия [19]. Некоторые авторы предлагают оставить за понятием лишь значение категории политической практики и изучать не средние державы в международной среде, а само конструирование «среднедержавности» [20]. Правда, и в таком случае придётся ограничить круг

исследований лишь странами, которые в политической риторике определяют себя как средние.

Другое возможное определение, в основе реалистское, связано с показателями мощи, когда вслед за сверх- и великими державами выделяют также средние. Не говоря о сложностях с оценками самой мощи (как определять и по каким показателям оценивать), затруднения с классификацией возникают уже на высшем её уровне. Широко признано, что сверхдержавой был Советский Союз, а ныне таковой являются Соединённые Штаты. В отношении Китая вопрос ещё решается, и к слову «сверхдержава» добавляются уточняющие определения: «развивающаяся», «хрупкая», «неизбежная» и прочие.

Круг великих держав можно ограничить пятёркой членов Совета Безопасности ООН, но как в таком случае быть, например, с Индией?

Ещё сложнее со средними державами. В верхней части их список будет пересекаться с категорией великих, нижнюю границу определить особенно трудно. Кроме того, нужно принять во внимание, что в данном случае слово «средний» способно ввести в заблуждение. Даже если оставить спор о реестре великих держав, в случае со «средними» речь пойдёт о государствах, входящих во второй и третий десяток в любом индексе национальной мощи[21]. Неудивительно, что в разное время и в разных исследованиях к средним державам причисляли Бразилию, Германию[22] и даже Индию[23].

Реалистская школа международных отношений, сосредоточенная на политике великих держав, сравнительно мало интересовалась державами средними. В последней четверти XX века тема разрабатывалась преимущественно представителями либеральной школы. С точки зрения либерализма исследование средних держав оказалось делом благодарным. **Во-первых**, оно позволяло выйти за рамки анализа силовой политики. **Во-вторых**, давало материал для исследования международных институтов через поведение «рядовых» стран, институты составляющих. **В-третьих**, поскольку государства, относимые в тот период к «средним державам», представляли собой либеральные демократии, их изучение позволяло оценивать влияние политического режима на внешнюю политику на большом числе случаев. Если угодно, средние державы можно было отождествить с «большинством», на которое опирается либеральный международный порядок. То есть доминирующий пока подход сформирован преимущественно в рамках либерализма и, помимо характеристик самоидентификации и сравнительной мощи, включал в себя несколько показателей с ярко выраженной нормативной коннотацией.

Так называемое «поведенческое» (*behavioural*) определение средних держав предполагало, что они склонны продвигать многостороннее решение мировых проблем, искать компромиссы и в целом стараться действовать в соответствии с идеалом «добротного гражданина» международной системы (*good international citizenship*). В этом качестве они также поддерживали американскую гегемонию и основанную на ней систему глобальных институтов[24], то есть выступали предполагаемым (и искомым) большинством, которое могло бы «населить» либеральный международный порядок. Предполагалось также, что средние державы обладают некоторым международным влиянием, выходящим за узко региональные рамки[25]. Такое определение сформулировано на материале Австралии и Канады, однако надолго

осталось одним из самых влиятельных. Джон де Бал остроумно сравнил понятие «средней державы» с понятием «среднего класса», и в связи с «поведенческим» определением средних держав это сравнение особенно точно. «Средний класс» не имеет общепринятого определения, и представляет категорию политической практики, широко используемую для отстаивания тех или иных идеологических позиций. Не важно, что является собой «средний класс», а важно то, кем, как и зачем он конструируется[26]. По сути, средние державы в «поведенческом» определении оказывались «средним классом» «граждан» международного либерального порядка.

«Поведенческое» определение «средних держав», разумеется, обладало многими слабостями. Оно было перегружено нормативностью, сформулировано на минимальном числе примеров, игнорировало многочисленные случаи, когда державы по потенциалу и международному влиянию подходили под определение средних, но исключались из этой категории по причине своей нелиберальности. Яркий, но не единственный пример – Иран. Отсюда попытки, с одной стороны, поправить дефиницию, а с другой – ввести уже внутреннюю классификацию для средних держав. Так, Сара Тео, совершенствуя определение, пишет[27], что средние державы стремятся ослабить стратификацию, и в то же время усилить функциональную дифференциацию международной системы. То есть, мягко балансируя сильнейших игроков за счёт международных институтов и многосторонней дипломатии, искать новые содержательные области, в которых они могли бы сыграть уникальную или значительную роль. Последнее перекликается с идеей «нишевой» дипломатии, которой привержены средние державы, стремящиеся к лидирующей роли в отдельных отраслях международной жизни[28].

Что касается установления внутренних классификаций для средних держав, то здесь можно назвать два примера. Один – работа Эдуарда Джордана, в которой проводится различие между «традиционными» (Австралия, Канада, Швеция, Нидерланды и другие) и «возникающими» (*emerging*) средними державами. Первые – устоявшиеся демократии и социальные государства с относительно равномерно распределённым общественным богатством, в то время как вторые недавно стали демократическими и сохраняют высокий уровень социального расслоения[29].

Отметим, что и здесь проявляет себя либеральная логика увязывания внутривнутриполитических порядков с внешнеполитическим поведением. Другой пример классификации средних держав – выделение трёх их «волн». **Первая** связана с попытками Канады, Австралии и ещё нескольких стран в середине 1940-х гг. получить особый статус в ООН. **Вторая** – с периодом после завершения холодной войны, ознаменовавшимся внешнеполитической активизацией ряда средних держав, как уже известных в этом качестве, так и новых: Южная Корея, ЮАР, Индонезия. **Третью**, несколько упрощая, можно связать с созданием «Большой двадцатки», что, с одной стороны, означало институциональное признание особого статуса ряда держав, попадающих по своему потенциалу в разряд средних, а с другой – усугубило неоднородность этой категории[30].

Именно неоднородность группы стран, которые можно отнести к средним державам, побуждает порой исследователей предложить вовсе отказаться от этого понятия, оставив за ним лишь историческое значение. Кризис либерального международного порядка влечёт за собой и кризис «гражданства» в нём: средние державы, ранее

считавшиеся образцовыми, всё в меньшей степени либеральны и склонны полагаться на международные институты и многостороннюю дипломатию[31]. К тому же понятие «средняя держава» испытывает сильное (пусть и не намеренное) давление теоретиков регионализации[32], возможно, нет смысла говорить о средних державах, если уже есть хорошо теоретически и эмпирически описанные региональные.

Есть, однако, соображение, которое побуждает всё же побороться за жизнь понятия. Большинство авторов согласны, что средние державы пережили два пика активности: один после окончания Второй мировой войны, второй – после окончания войны холодной. Джеффри Робертсон и Эндрю Карр связывают это с ситуацией слабо выраженного соперничества великих держав в первом случае и установлением однополярности во втором. В середине 1940-х гг. ещё не успел сформироваться биполярный блоковый порядок, характерный для холодной войны, и это оставляло средним державам известную свободу действий. В конце 1980-х гг. блоковый порядок ослабел, а установление однополярности привело к торжеству либерального международного порядка, который, согласно «поведенческому» определению, является чем-то вроде естественной среды обитания средних держав.

Но что, если на оба исторических момента – середина 1940-х и начало 1990-х гг. – посмотреть не с реалистской (что делали в это время великие державы), а с системной и институциональной (что представлял собой международный порядок) точки зрения? Тогда мы увидим схожесть двух этих моментов. В обоих случаях речь шла о формировании нового международного порядка. Да, в 1990-х в США был провозглашён «однополярный момент». Однако отнюдь не единогласно. В глазах многих теоретиков и практиков той эпохи завершение холодной войны открывало перспективу не американской гегемонии, а укрепления многосторонних государственных и негосударственных международных институтов.

Высказывались сомнения, что какая бы то ни было держава или коалиция способна установить новый гегемонистский международный порядок[33]. Возникла идея «управления без правительства» как возможности международного порядка в отсутствие единого центра власти или хотя бы одной доминирующей державы. Ожидалось, что глобализация, согласие между ведущими ядерными державами и принятие большинством стран мира либеральных ценностей как универсальных создают условия для установления принципиально нового международного порядка. Дитер Зенгхаас в связи с этим говорил о «мировой внутренней политике», предметом которой должны были стать экологические проблемы, развитие беднейших стран, контроль за ядерными и обычными вооружениями[34]. Казалось, подтверждение получил тезис о росте новых центров власти (*authority*, т.е. легитимной власти) на транснациональном (например, международные неправительственные организации) и субнациональном (например, организации этнических меньшинств) уровне, которые размывают власть и авторитет национальных государств[35]. Позже такой подход был назван «постнациональной парадигмой» в международных отношениях.

Хотя теоретики либерального международного порядка проводят различие между этим порядком и американской гегемонией[36], с точки зрения российского наблюдателя, в силу исторического опыта последних десятилетий, американская гегемония, либеральный мировой порядок и «постнациональная парадигма»[37] в международных отношениях (говоря просто, умаление государств в пользу

негосударственных институтов) слились до неразличимости. Практические различия между ними сейчас и правда несущественны, но теоретически полезно признать два тезиса. **Первый** заключается в том, что средние державы поднимают голос в момент формирования (или реформирования) международного порядка. **Второй** – что само понятие «средняя держава» представляет собой производное от международного порядка и имеет смысл лишь в связи с ним. Причём последнее верно и для либерально-конструктивистского «поведенческого» определения средней державы, и для реалистской её характеристики через глобальную иерархию мощи.

1945, 1991, 2022?

В феврале 2022 г. украинский кризис превратился из регионального в глобальный. Это поставило с новой остротой вопрос о его последствиях для международного порядка. Некоторые авторы полагают, что 2022 г. станет в ряд основополагающих дат истории международных отношений: 1648 г., 1815 г., 1919 г., 1945 г. и 1989 год [38]. Отметим, что эти даты всё же знаменуют не начало, а окончание вооружённых (или невооружённых, как холодная война) конфликтов, а дата окончания специальной военной операции на Украине пока неизвестна. Оценка масштаба событий тем не менее показательна. Хотя китайские авторы полагают, например, что попытка представить европейский, то есть региональный кризис в качестве глобального отражает наследие европоцентризма [39]

Правда, от антиросийских санкций досталось всем, и для мировой экономики кризис всё же оказался глобальным.

Мнения о сути перемен пока расходятся. Ранние западные реакции носили триумфалистский характер: демократии консолидировались перед российской угрозой, что укрепит либеральный международный порядок [40]. Хотя примешивался и драматический оттенок последнего шанса этот порядок сохранить [41]. Есть утверждения и прямо противоположные: 24 февраля 2022 г. окончательно похоронило либеральный международный порядок как универсальный проект, и в дальнейшем нас ждёт «многопорядковое» мироустройство [42]. Новое дыхание получило понятие американского империализма, против которого Россия борется теперь на Украине [43]. С теорией «многих порядков» перекликается тезис, согласно которому глобализация перестала быть единым для всего мира состоянием или процессом и распадётся на два потока: либеральный и нелиберальный, условно западный и восточный [44].

Поскольку речь о мировом большинстве и составляющих его средних державах, особый интерес представляет позиция авторов, рассуждающих о мотивах стран Глобального Юга. В общем, и западные авторы признают, что у развивающихся стран есть серьёзные основания не выбирать сторону Запада или России [45]. Глобальный Юг не видит для себя угрозы в украинском кризисе и сопротивляется попыткам Глобального Севера втянуть его в противостояние, воспроизводящее его подчинённый статус, констатируют Андрей Крикович и Ричард Саква [46]. Отказываясь втягиваться в противостояние России и Запада, Глобальный Юг не спешит и покидать международные институты, связанные с либеральным международным порядком [47]. Амитаб Ачарья указывает, что либеральный международный порядок обещал мир, но не смог его обеспечить; международной системе предстоит существовать без

гегемона, а мировое устройство будет «мультиплексным» (к этому понятию вернёмся чуть позже)[48]. Аршин Адиб-Могаттам говорит о «неполярности» (*non-polarity*) мира, в котором военная мощь и война больше не обеспечивают стратегических результатов, порядок построен на взаимозависимости многих малых элементов, а власть и безопасность проистекают из способности к консенсусу и обеспечению легитимности[49]. Примечательно, что этот пацифистский (что так нехарактерно для нашей эпохи) текст принадлежит перу работающего в Великобритании исследователя, а опубликован в Пакистане, стране, определённо входящей в мировое большинство, определённо соответствующей категории средних держав по параметру мощи, но не имеющей доминирования в своём регионе.

В разнообразии мнений и оценок выделяется несколько тем. **Во-первых**, рассуждения о формирующемся мировом порядке в целом идут в русле дискуссии, возникшей ещё до 2022 года. Кризис либерального международного порядка признавался и ранее, хотя имеется полемика о его истоках[50] и о том, является ли он терминальным. Перспективу сосуществования двух порядков, американского и китайского, а также заведомую невозможность сделать либеральный порядок универсальным отстаивает Джон Миршаймер[51]. Его тезис о либеральном мировом порядке как о наборе правил и институтов, которые будут действовать лишь для союзников США из числа либеральных демократий, разделяет и Амитав Ачарья. Предложенный последним образ «мультиплексного мира» как кинотеатра с множеством залов разного размера с разными фильмами говорит не о политической или институциональной, а скорее о дискурсивной многополярности: внутри единой архитектуры мировой экономики и безопасности разные «авторы» рассказывают разные истории, причём историю можно выбрать[52].

Во-вторых, все согласны, что мир находится в процессе формирования нового порядка или, по крайней мере, глубокой трансформации старого. Есть и точка зрения, что новый мировой порядок уже существует, а наличие конфликтов и противоречий представляет собой его сущностную черту[53]. Политическое, идеологическое, институциональное разнообразие в мире не просто усилилось (мир никогда не был однообразным), но стало фактором, формирующим международный порядок. Также можно сказать, что «обособление» Запада стало отчасти результатом давнего кризиса либерального мирового порядка, отчасти провала попытки втянуть Глобальный Юг в противостояние с Россией.

В-третьих, широко разделяемое мнение состоит в том, что, каким бы ни стал мировой порядок, круг участников его формирования значительно шире, чем в середине сороковых или начале девяностых годов прошлого века. В последние годы обострился интерес к незападной истории (точнее, историям) международных отношений и незападным международным порядкам[54]. Айше Заракол обращает внимание на особые, отличные от вестфальских, но обладавшие универсалистскими притязаниями международные порядки в Евразии в XIII–XVII веках[55]. Общим местом становится критика теорий мирового порядка, основанных лишь на европейской истории[56].

Что именно изменилось за последние десятилетия? Несколько лет назад Барри Бузан и Джордж Лоусон опубликовали работу[57], в которой указали на то, что теория международных отношений практически не заметила проблемы, центральной для

других общественных наук: как возникла современность (*modernity*) и что она собой представляет? Международники, и особенно, по-видимому, реалисты, говорят о мировой политике так, как будто природа её участников и отношений между ними не изменилась со времен Фукидида. О Вестфальском мире (1648 г.) говорится как об исходной дате возникновения современных международных отношений, но игнорируется глубочайшая и очень быстрая по меркам мировой истории трансформация, которую человечество пережило в XIX веке: возникновение нового «режима власти» (*mode of power*), связанного с индустриальным капитализмом, рациональным бюрократическим государством и идеологиями прогресса: либерализмом, социализмом, национализмом и «научным» расизмом. В международной системе XIX и XX веков игроки, усвоившие этот новый, не существовавший ранее режим власти, получили колоссальное преимущество, что и обусловило глобальную гегемонию Запада и разделение мира на центр и периферию [58]. К началу XXI века новый режим власти усвоен если не всеми, то большинством стран мира, капитализм, пусть и в разных формах, стал общей для всех формой организации хозяйства, а из идеологий прогресса сохранились только либерализм и национализм. Из этого Бузан и Лоусон выводят довольно оптимистичную картину наступающего международного порядка, в котором геополитическое соперничество государств будет вытесняться геоэкономическим (по Эдварду Люттваку), глобальная гегемония станет невозможной, хотя нельзя исключить возникновение гегемоний региональных (например, вокруг России и Китая). Поскольку глобальные рынки требуют некоторой универсальности и интернациональности, у всех игроков будет потребность в сохранении общих правил игры хотя бы в некоторых областях [59].

Возможно, оптимизм чрезмерен. Авторы склонны не замечать сокрушительную мощь капиталистической конкуренции. Говоря о тесной взаимосвязи между рынками и государствами, они не упоминают империалистический характер двух мировых войн, обусловленных, среди прочего, борьбой за рынки и экономические ресурсы. В западном либеральном порядке разрушительный потенциал сдерживался политической гегемонией Соединённых Штатов, сумевших, например, без применения силы подавить экономическую конкуренцию со стороны Японии в 1980-е годы. С Китаем так не получится.

«Цунами» санкций против России и других стран заставляет сомневаться, что для международных игроков глобальные рынки представляет такую уж неизменную ценность. Если идеологическая приверженность большинства стран (и практически всех средних держав) национализму не предполагает универсалистскую миссию, как это было с социализмом, то либерализм сейчас претендует именно на универсальность и более того, на статус единственной идеологии, воплощающей прогресс, в доказательство чего и вывешиваются радужные флаги на американских посольствах по всему миру.

Наконец, неясно, что делать, если границы одной региональной гегемонии пересекутся с границами другой, и что будет с державами, претендующими на гегемонию в нескольких регионах. Это не отменяет ключевого тезиса: резкое разделение мира на центр и периферию с огромным разрывом в потенциалах, характерное для XIX и XX веков, значительно ослабело. И это вновь подводит к пониманию, что в строительстве международного порядка предстоит участвовать большему числу участников, чем случалось в истории ранее. А значит – средние

державы вновь ожидают на авансцене.

Как конструировать мировое большинство?

Бруно Латуру принадлежит полезное замечание о конструировании. Специалисты по общественным наукам нередко говорят о «сконструированном» как о синониме «неподлинного» или «искусственного», предмете лишь веры или убеждений. А для инженера вопрос о подлинности не имеет смысла, действительно важный вопрос в том, сконструировано хорошо или плохо. Хорошо сконструированный самолёт может летать, правильно сконструированный дом прочен^[60].

С такой точки зрения мировое большинство сконструировано хорошо. Кроме того, что оно отвечает актуальным российским внешнеполитическим запросам и схватывает текущий момент мировой истории с той мерой определённости, какая возможна.

Понятие фиксирует главное явление международной системы: круг держав, которые могут (и, по-видимому, будут) участвовать в создании нового порядка, резко расширился по сравнению с прошлыми эпохами крутых перемен. Нежелание других, кроме России, участников мирового большинства принимать это обозначение свидетельствует, как ни парадоксально, о серьёзном отношении к нему. Дать имя – значит проявить власть; принимая имя, признаёшь и власть его давшего, а какую-либо внешнюю власть сейчас признают весьма неохотно. Отсюда, кстати, и сокращение числа тех, кто открыто относит себя к средним державам. Средний – значит, над тобой ещё кто-то есть.

Однако мировому большинству не хватает субъектности и внутреннего наполнения. Пока оно определяется по преимуществу негативно: «те, кто не...» (не вводит против России санкции, не признаёт американского доминирования и т.д.). Понятие новых средних держав как творцов миропорядка может решить эту проблему. Здесь можно заимствовать и либеральную метафору «международного гражданства». Граждане мирового большинства – это средние державы.

Придётся отказаться от либеральных нормативных коннотаций, связанных со словом «гражданство». Гражданин мирового большинства высоко ценит суверенитет, стремится играть важную роль в мире, заинтересован в прогрессе как экономическом и технологическом развитии, но он определённо не либерал. Зато можно добавить нормативные коннотации, связанные с гражданством как несущим элементом демократии. Рост числа акторов, претендующих на участие в создании международного порядка, знаменует собой движение к его демократизации. Тогда гражданин – тот, кто не признаёт гегемонии и стоит за суверенное равноправие.

Подчеркнём, что речь идёт не о региональных державах. Некоторые из новых средних держав и граждан мирового большинства не доминируют в своих регионах. Некоторые могут принадлежать к разным регионам и играть в них различные роли. Само понятие региона и его географические границы подвижны и зависят от политических представлений. Наконец, в фокусе именно международный порядок за пределами региональных рамок. У новых средних держав, очевидно, есть интерес к глобальному институциональному строительству, об этом говорит расширение БРИКС в 2024 г. и очень представительный саммит ШОС в сентябре 2022 года.

Важно, что с точки зрения иерархии мощи список средних держав не имеет ограничений. Потенциально гражданство мирового большинства открыто для всех, кто готов принять на себя такую роль. Поэтому нет смысла давать исчерпывающий список. Однако из числа «новых средних» выпадают те, кто принадлежит к блокам – а блоки в полном смысле слова есть только у США – и усердно следует блоковой дисциплине. Гражданство в мировом большинстве предполагает индивидуальное участие.

Впервые опубликовано в журнале "Россия в глобальной политике": Силаев Н.Ю. 2024. **Граждане мирового большинства.** *Россия в глобальной политике.* 22(3): 47-66.

Статья подготовлена при финансовой поддержке Института международных исследований МГИМО МИД России, проект № 2025-04-06.

Источник: Граждане мирового большинства

ОБ АВТОРЕ

Николай Силаев

Старший эксперт

Местоположение: Москва, Россия

Сфера компетенций: Кавказ, Украина, СНГ

Область экспертизы: Ведущий российский специалист в области международных конфликтов на постсоветском пространстве. Эксперт по вопросам демографических, экономических и административно-правовых аспектов интеграции Северного Кавказа. Специализируется на внешней политике России и отношениям со странами СНГ.

Профессиональный опыт: Старший научный сотрудник Центра проблем Кавказа и региональной безопасности, старший научный сотрудник Лаборатории анализа международных проблем МГИМО МИД России. В прошлом редактор отдела политики журналов «Профиль» и «Эксперт». Соавтор коллективной монографии «Россия и мир в 2020 году» и ежегодного прогноза «Международные угрозы».

